

Философская оптика: по ту сторону драмы света

Михалицын В.А.

Имеет ли время право на то, чтобы быть предметом философской рефлексии, жизненная функция которой непременно должна заключать в себе значимость в виде своей плодovitости? Проблематичность, которая в философском дискурсе и есть не что иное как актуальность, под которую подпадает и данный вопрос, на мой взгляд, более чем очевидна. Эта очевидность проявляет себя в самых различных формах: то время как проблема вообще стирается из философского дискурса (Жорж Батай), то оно конституируется в качестве неявного условия феноменальности вообще, стирается и ретушируется в различие (это делает Жак Деррида).

Наиболее методологически выверенное зачёркивание времени производится в мысли Деррида, который утверждает изменение структурного воплощения времени в пространстве различия: время реализует себя в артикуляции следов, подчиняющихся в своей игре «логике» различия, которая, посредством опространствливания и промедления, реализует (что значит – вписывает) в себя все различающиеся феномены, не исключая главный прафеномен старой метафизики – голос, одновременно являющийся и логосом. Тем самым, различие, не определяемое в сердце своего воплощения в процессе реализации, утверждает проблематичность Другого, понимаемого нами как точку, внутри которой время Тожественного сворачивается, производя метаморфозу, являющуюся истинной сущностью времени. Тем самым различие постулирует тревогу самого времени, заботящемся о Другом, как абсолютной инаковости и нетождественности Тому же Самому. Слова Бодрийяра: «В свете всего, что делалось, чтобы уничтожить Другого, перед нами воочию встает его неразрушимость и тем самым неистребимая фатальность Отличия» [Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 217].

«Фатальность», о которой говорит Бодрийяр, есть неуничтожимость Другого, невозможность которого в качестве абсолютно Другого, реализуется в проблематике Различия.

Судьбоносность различия предварительно усматривается мной в «феномене», определяющем судьбу жизни и разума – в свете. Последний является нам в виде троичности: взгляд – среда – источник. Эта классическая схема традиционной метафизики, выделяющей субъект – познание – объект познания, претерпела существенные изменения: активность субъекта была поставлена под вопрос феноменами интерсубъективности и интертекстуальности. Выяснение границ субъективности в социальности вылилось в выяснение вопросов влияния. Если раньше борьба, являющаяся источником рождения чего-то нового понималась как борьба за некоторую неконтролируемую человеческим разумом истину, имеющую признак «объективности» (общезначимости), то сегодня рождение неразрывно связано с обновлением, с ре-креацией: происходит не разыгрывание глубины против поверхности, объективного против субъективного, но, скорее – нового против старого, стиля (как индивидуального воплощения, почерка письма) – против голоса, присутствие которого неотделимо от его уже-вписанности в архетипичность практик письма. Классическая схема познания, разделявшая идеальное от являемого, исчерпала свои возможности в тот самый момент, когда указала ограниченность разума в вопросах жизни и запретила ему переходить эти границы. Тем самым, определилась некоторая пассивность субъекта в отношении своей активности. Выявление этого факта и позволило перейти от выяснения отношений объективного и субъективного к разыгрыванию нового против старого. Блестящий пример такого переигрывания судьбоносного наследия демонстрирует мысль Ницше, который, тем не менее, в этом переигрывании руководствуется разделением глубины и поверхности, воплотившемся у него в образах апполонического и дионисийского начал. Ницше утверждает, что в основании человеческой жизни лежит драма. Существо этой драмы состоит в том, что человек изначально вынужден отвернуться от источника своей

жизни, источника света, сделать это затем, чтобы тем самым сохранить эту жизнь. Так, изначальная драма ослепления, основывающаяся на невозможности свернуть время к собственному началу, основывающаяся на невозможности стать отцом своего отца, порождает спасительное искусство иллюзий, учреждает человеческую мысль в качестве искусства оптики, преодолевающей как изначальную немилосердность и жестокость света, так и ограниченность собственного зрения. Благодаря оптике, ставшей сердцем европейской метафизики, человек может преодолевать собственную ограниченность.

Ограниченность зрения – это слепота, признаваемая философами в качестве наиболее существенного порока. Платоновский образ пещеры, из нутра которой человек способен выйти и узреть феноменальное начало призрачности мира, – образ слепоты, которую необходимо преодолеть. Существует два пути преодоления этой проблемы: первый – мгновенный порыв к началу – чреват переводом метафизической слепоты в слепоту фактическую, означающую крайний скептицизм в возможность трансценденции; второй же путь, который, собственно, и обосновывает необходимость использования оптики – путь метода, существо которого может быть выражено во взаимодействии взаимоотрицания рациональной дедукции Рене Декарта и эмпирической индукции Фрэнсиса Бэкона. Именно в этом взаимодействии логос проявляет своё раскрывающе-собирающее существо.

Человек характеризуется тем, что может протраивать собственное видение света, может устраивать «естественный свет разума». Ослепительность в наше время – по существу становится блеском, самопорождающимся в бездне зеркальных отражений. Тем самым, вообще снимается, что, собственно говоря, и делает Деррида, вопрос о первоначале, которое и есть источник света. Место этого невыносимого и ослепительного света занимает метасвет, своим свечением (очередное доказательство смещения в сторону энергетического понимания света) приветствующий каждого с экрана монитора, встречающийся на улице в виде неоновых огней и т.д. Опасность этого нового света кроется уже не в образах физической боли, но, скорее, в образах психического (энергийного) истощения. Вспышка старого фотоаппарата замещается гипнотизмом поглощения поверхности видимого с помощью цифровой камеры. Если смотреть ещё дальше: за непримиримостью прежних подростков следует практическая толерантность взрослых. Рассеяние света невиданным образом отражается во всеобщем рассеянии вещей и смыслов. Пространство, являющееся инфлюэнцией времени, расплывается в виртуальном: ближнее и дальнее в качестве ценностей переживают кризис самоидентификации. Именно в этой точке различие испытывает дрожь – отголосок бесконечно нарастающей скорости повторения. В различии, головокружительно развёртывающем свою Тождественность, разум познаёт свою ограниченность, одновременно создавая возможность её преодоления. Такая возможность заключается в способность разума преодолевать границы зрения посредством метафизической оптики. Но если раньше существо оптики заключалось в преломлении света (внутри которого свершалось улавливание изначальности), то теперь, в ситуации невозможности неоптического, оптик переходит в позицию зеркального отражения, становится ироником, подготавливая свою зеркальность к производству нового светила, которое бы не распространяло энергию равномерно, на манер всеобщего безразличного рассеяния, но всасывало бы её и распространяло неконтролируемыми пучками, выпадами. Ирония находится в ожидании единственно возможного разрешения своей ограниченности – в ожидании встречи с Другим, который смог бы опровергнуть иронию, обратившись к иронизирующему напрямую, минуя его зеркальную защиту-вызов.

Бодрийяр прав, говоря о том, что апокалипсис уже произошёл, что мы находимся в состоянии после оргии. Мир вырос, осталось повзрослеть лишь тем, кто ещё питает наивную веру в возможность возврата изначального, кто ещё питает веру в «естественный свет разума». Творение из ничего, неестественный свет разума – истинное начало человеческого.

Техническая реализация виртуального света отменяет след, этот отпечаток некоторого отсутствия, заменяя его бликом. Тем самым становится понятным смысл и значение

восполнения Деррида, которое на самом деле есть не что иное, как восполнение недостаточности зрения.

Все представления об идеальном имеют своим источником изначальную драму ослепления, заключающуюся в собственной слепоте в момент своего рождения. Неведение по существу своему есть невидение. Идеальное – «покрывало Майи», «спасительная иллюзия», обходными манёврами создающая веру в возможность воплощения идеального в действительности. Притом, что это воплощение предполагает развоплощение первичной травмы, её снятие. Теория классического психоанализа отталкивается от конституирования сущностных причин неврозов, тем самым, указывая на возможность преодоления последних. Типичные сцены воспроизводства взаимодействия сознательного и бессознательного выражаются в так называемых комплексах, центральный из которых – «комплекс Эдипа» строится в переходе метафизической слепоты в слепоту фактическую. Ситуация присутствия / отсутствия, *fort / da* – ситуация самой драмы, но она никогда не сможет получить своего разрешения без обращения к исследованию условий игры присутствия и отсутствия – к свету как источнику феноменальности вообще. Разумеется, это обращение – тоже своеобразная игра, основной внутренний мотив которой – стать отцом своего отца, познать про-изведение в действии. Такое про-изведение немыслимо без забвения своего взгляда. Бланшо пишет об этом: «Однако деяние Орфея состоит не только в том, чтобы, погружаясь в глубины, обеспечить приближение к этой «точке». Его деяние – *про-изведение* её назад к дневному свету, с тем чтобы в свете дня облечь её в форму, очертания и явь. Орфей может всё – только не глядеть прямо на эту «точку», не заглянуть в центр ночи в ночи. Он может спуститься к ней, он может – ещё большая власть – привлечь её к себе и увлечь за собою наверх, но только от неё отвернувшись» [Бланшо М. Ожидание забвения. / Перевод с французского В. Е. Лапицкого. СПб.: Амфора, 2000. С. 4]. В этом забвении своего взгляда предаётся забвению чужой, данный не мной, неумолимый свет. Это – необходимое условие ре-креации, неотъемлимое условие метаморфозы – творчества.

Метафизическая оптика – целая совокупность различных приёмов, вечным двигателем которых является вещь в себе – этот «странный», по словам Бодрийяра, «аттрактор». Эта сущность, являющаяся эманационным «началом» той формы, которая доступна интеллектуальности нашего зрения – является неиссякаемым источником притяжения. Источник среды восприятия этой формы – свет в своей ослепительности – недоступен нам «здесь и сейчас», поэтому возникает необходимость создания обходных приёмов, одновременно промедляющих свершение метаморфозы и реализующих её во время этого промедления. Идти по следам, оставляемым прошлым в нашей памяти, уже значит – производить блики и отражения в ожидании воплощения прозрачности абсолютно другого в конкретную и осязаемую материю – в явленность Лица.

Являясь самой основой притяжения человека, метафизическая оптика основана на Желании, на трансценденции. Она должна изменить всё пространство таким образом, чтобы стереть различие ноуменального и феноменального, преодолеть порог человеческого и открыть сущность, в общем – свершить метаморфозу, перевести пространственные ограничения к условиям их ре-креации. Первейшее из этих условий – *fiat lux*, сотворение света. Эта возможность божественна. «Естественный свет разума», о котором говорил ещё Декарт должен преодолеть свою ограниченность всеобщего путем разыгрывания всеобщности довлеющего прошлого. Это и является основной движущей силой философской Деконструкции: этот проект изначально живёт собственной смертью, ожидая, когда же наступит предел исчерпания следов, когда деконструкция прошлого приведёт к «настоящему» этого прошлого, которое и возможно только как переоткрытие самих условий опыта. Деконструкция кропотливо собирает и увязывает между собой фрагменты прошлого с тем, чтобы извлечь из этой работы энергию, необходимую для творения нового, возможность чего сама Деконструкция внешне отрицает. В Деконструкции генезис структуры прошлого раскрывается как такой, которого ещё не было, который не

предусмотрен в качестве своего воплощения (или проговаривания) в самом прошлом. Иными словами – теоретическая ценность Деконструкции для человека может быть важна только в том случае, когда имеет место практическая Деконструкция, в своём предвосхищении реализующая метаморфозу.

Закон экономии оптики – сведение различий к различению, приведение сущности света к его онтологичности. Несомненно, что это приведение отражает природу света, заключающуюся в рассеянии Единого, но вправе ли мы останавливаться на «природном», которое уже было обращено нами с помощью оптики. Если человек будет двигаться в согласии с «природой» света, то единственное, что он будет видеть впереди себя – свою собственную тень. Рассеяние смыслов и вещей в современности – рассеяние своих страхов и надежд по поводу Другого. Это следствие того, что метафизическая оптика испытывает кризис, вызванный появлением множества новых источников света, которые уже даже трактуются как источники энергии. Виртуальность поглощает свет и время таким образом, что последние рассеиваются внутри неё, безнадежно циркулируют в поиске выхода, являясь остатками имплозии, живут верой в возможность её обновляющего и неповторимого повторения. Учреждая виртуальный разум, мы отнюдь не освобождаем собственный от автоматизма, но скорее – оказываемся в ещё большей степени зависимости от него. Виртуальность свидетельствует о том, что восприятие Другого – этого предвестника омоложения и метаморфозы сместилось в сторону игры. С Другим можно играть, его можно отражать, но, оказывается, он, находящийся всегда на пределе оптики, тоже уклоняется от преломления своего. Ибо Другой, как Эвридика, невозможен в своей абсолютной инаковости – необходимо покинуть пределы схватывающей мир оптики, покинуть пределы зрения, с тем, чтобы в забвении взгляда испытать его силу и жестокость. Так, абсолютная инаковость Другого, о котором говорит Эммануэль Левинас, начинается с жестокости его света, который парадоксальным образом может утаивать от нас свою сущность. Поэтому-то и Другой – единственный, кого мы желали бы убить. Но убийство, будь оно возможным, обрекло бы нас на одиночество существования, на безличность, уподобило бы сознание рассеянию вещей и смыслов – рассеянию света. Мы же всегда в ожидании Другого ожидаем собственного перерождения, выхода за пределы самих себя, пределы, что якобы «предустановлены» в нас наследственностью. Только посредством так реализующего себя в нас времени мы можем сохранить собственную человечность и собственное достоинство.